

ნატალია ებანოიძე



Виждеть воздух

Наталья Эбаноидзе

**Видеть воздух**

«Издательские решения»

**Эбаноидзе Н.**

Видеть воздух / Н. Эбаноидзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748143-8

В этот маленький сборник избранных стихов и прозы вошли двадцать пять лет добра. Четверть века счастья и любви к жизни. Четверть века попыток найти ответы на вечные вопросы. Четверть века сердец, которые откликаются на мое сердцебиение. Четверть века тепла, моря, солнца и волшебства, которое способно подарить такое прекрасное чувство, как любовь.

ISBN 978-5-44-748143-8

© Эбаноидзе Н.  
© Издательские решения

# Содержание

Проза	6
Лестница в небо	6
Наперегонки	10
Крылья	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Видеть воздух

## Наталья Эбаноидзе

*Моему отцу,  
спасибо, что подарил мне жизнь.  
Моему Э.,  
спасибо, что подарил мне ее смысл.*

*Корректор К. Забкова  
Дизайнер обложки Н. Эбаноидзе*

© Наталья Эбаноидзе, 2018  
© Н. Эбаноидзе, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-8143-8  
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Проза

### Лестница в небо

Нас было двое. Я и мой брат. Мы были погодками: мне – восемь, ему – семь. Сколько я помню себя, столько и его. Мне нравилось быть старшим, я рад, что у меня был именно Эмири, а не какая-нибудь плаксивая Кристина с белым бантами в розовом платьице.

Мы все делали вместе: учились читать, писать, прятаться от родителей, залезая под книжные полки, притворяться спящими, когда мама заходила в комнату, и, целуя нас во лбы, говорила о том, какие мы замечательные и волшебные дети. Словом, я и он – две половинки одного целого. Пока однажды за ним не пришла *она*.

Началось все с того, что мы с Эмири, как всегда, дурачились на улице, пока мама готовила обед. В тот день было очень много луж, которые остались от проходивших накануне дождей.

Мама позвала нас из окна кухни:

– Эмири, Римини, обедать!

– Давай наперегонки до дома? – предложил ему я.

– А кто последний, тот сопля, – прочитал мои мысли брат.

И мы понеслись домой по лужам, забрызгивая друг друга грязными каплями. Я обгонял его, был уже почти у двери, когда услышал позади какой-то непонятный шум, всплеск воды, а потом плач брата. Обернувшись, я увидел Эмири, который растянулся на животе поперек огромной лужи. Брат лежал и громко кашлял, наглотавшись мутной воды. Я тут же подбежал к нему, помог подняться, и мы, обнявшись, проковыляли оставшиеся до дома несколько метров. Тогда я и подумать не мог, что это будет наша последняя прогулка.

К вечеру у Эмири поднялась высокая температура. Мама не пускала меня к нему до прихода доктора. Она боялась, что я тоже могу заболеть. Мне удалось увидеть брата только на следующий вечер. Пока мама мыла посуду, я тихонько прокрался к нему в комнату. Он спал, шумно дыша через приоткрытый рот. Я подошел поближе и даже в тусклом свете свечи смог разглядеть, какой Эмири стал бледный. Его лоб блестел от капелек пота, реснички нервно подрагивали, казалось, что он вот-вот проснется...

– Римини, – за спиной раздался усталый голос мамы.

Я обернулся и тихонько прошептал:

– Мам, он ведь обязательно поправится, правда?

– Конечно, поправится, – ее голос слегка дрогнул, а потом она обняла меня. – Вот увидишь. Главное – вера.

В ту ночь я впервые помолился. Я точно не знал, как это делается и что нужно говорить, но несколько раз видел это в кино и сериалах, которые смотрела мама... Я встал на колени рядом с кроватью, уперся локтями в матрац, поднес ладони к лицу и закрыл глаза. Некоторое время я сидел в такой позе, пытаясь подобрать слова, и, наконец, собравшись с силами, произнес:

– Здравствуй, Бог! Мы незнакомы. Меня зовут Римини, и мне нужна твоя помощь. Мой братишка очень болен, ты можешь сделать так, чтобы он выздоровел? Пожалуйста. Помоги ему, а взамен я буду...

Я запнулся, подбирая слова, не зная, что сделать в ответ для Бога.

– Я буду отдавать тебе все свои игрушки и конфеты, которые у меня когда-либо будут. Честно-честно.

Через несколько дней я опять зашел к Эмири, но тот снова спал. А еще через три дня мама вошла ко мне в комнату, медленно пустилась на кровать, обняла, поцеловала в лоб и тихонько заплакала.

– Послушай, – в эту ночь я снова обратился к богу, – я не понимаю, почему ты мне не помог. По телевизору ты все время помогаешь тем, кто к тебе обращается. Что я делаю не так?

Видимо, конфет, которые последние три дня я с таким усердием зарывал под деревом, было мало.

Следующие два месяца я не обращался к нему, пока однажды взглянув на календарь, не увидел, что до дня рождения Эмири осталось пять дней. И во мне родилось какое-то странное чувство – мне казалось, что я должен что-то сделать, но пока не понимал, что именно.

Следующей ночью мне приснился сон-воспоминание, в котором мы с Эмири впервые отправились в магазин игрушек, что находился на другом конце городка. Это был наша первая настоящая взрослая поездка. Мы схватили велосипеды, термос с маминым компотом и отправились в путь.

– Смотри, какой динозавр, – Эмири уже в который раз восхищался резиновой темно-зеленой фигуркой, – я бы все за такого отдал...

Наутро я проснулся и понял, что нужно делать. Это было так очевидно, что сначала мне даже стало немножечко стыдно за то, что я был таким дурачком. После завтрака я опростелю понесся в сарай, выкатил свой темно-синий велосипед на дорогу. Потом побежал обратно в дом, залез к себе под кровать и извлек оттуда пыльный зеленый мешочек, в котором я хранил деньги, которые дарила мне бабушка, в основном там были одни монетки.

По пути в магазин я очень боялся, что мне не хватит моих сбережений или же, что кто-нибудь другой купил этого динозавра.

Вихрем ворвавшись в лавку, я с радостью обнаружил заветную игрушку. С горящими глазами подбежав к продавцу, я спросил, сколько стоит этот динозавр. Оказалось, что моих денег с лихвой хватило бы на целых две игрушки. Кинув на прилавок весь свой «денежный мешок», я схватил динозавра и выбежал из магазина. У меня просто не было времени, чтобы ждать пока он отсчитает нужную сумму, я был взбудоражен, хотел скорее вернуться домой, чтобы начать осуществлять свой замысел.

Я крутил педали так быстро, как только мог, перед самым домом я упал и разодрал колени, но мне было совсем не до этого. Побежав в сарай, я схватил топор и пилу. Затем отправился в лес. Мне нужен материал для моей лестницы. Весь оставшийся день я бегал туда-сюда, таская всякие ветки и сучья, и складывал все это добро аккуратной кучкой за домом. Мне кажется, я совершил рейдов пятьдесят или шестьдесят, этого, конечно, было недостаточно, но для начала вполне неплохо.

Наутро я вскочил с первыми петухами и, не завтракая, побежал к своим деревьяшкам. Оглядев запасы, я с ужасом понял, что у меня нет гвоздей. Как же мне строить мою лестницу без них? Перерыв весь сарай, на свое счастье я нашел целые залежи гвоздей, которые, видимо, остались еще с постройки нашего дома. Теперь я во всеоружии, и можно начинать.

Я нашел самый большой и высокий дуб у нас на участке и понял, что он и станет началом моей лестницы. Я шустро прибивал деревьяшки к его коре, чтобы получилось что-то наподобие лестницы, по которой я смог бы забраться на самую вершину дуба. На то, чтобы оббить все дерево, у меня ушло целых два дня. Жуть! Это было слишком много. У Эмири день рождения уже через два дня, а мне предстояло еще столько работы.

Кто знает, как высоко находится небо, и какой длины мне предстояло построить лестницу, чтобы она достала до облаков, по которым я смог бы забраться на самый-самый верх и встретиться с братом.

Последующие дни оказалась менее продуктивными. Я понял, что строить лестницу навесу намного сложнее, чем прибивать деревяшки к дубу. Сучья и ветки никак не хотели ровно ложиться, моя лестница выглядела кривой и очень жалкой. Я даже расстроился. Ведь день рождения уже завтра, а моя лесенка чуть выше дуба. Этого явно не хватит, чтобы достать до неба.

Я не знал, что делать, и не особо верил, что это поможет, но других вариантов у меня не оставалось:

– Пожалуйста, помоги мне, я очень хочу увидеться с братом, у него завтра день рождения. Сделай так, чтобы моя лестница достала до неба.

После своей молитвы я лег спать.

Я проснулся посреди ночи оттого, что услышал какой-то шорох в саду. Я выглянул в окно. Сначала не поверил своим глазам. Боясь, что эта картинка может в любую секунду исчезнуть, я схватил динозавра, который стоял на тумбочке и босой выбежал на улицу. И к своей великой радости обнаружил, что чудесный мираж не растаял. Это не сон, это все взаправду!

Мой дуб был озарен легким свечением, а из его кроны торчала красивейшая золотая лестница, уходившая прямо в бесконечное небо. Не помня себя от радости, я подбежал к дереву и начал карабкаться наверх. Через пару минут я достиг кроны, и с небольшой опаской взглянул на золотую лестницу. Но, вспомнив об Эмири, я отбросил все сомнения, схватился левой рукой за перекладину, а правую ногу занес на ту, что была повыше...

Не могу сказать, что я карабкался долго. Все мои мысли занимал только брат, поэтому время пролетело для меня практически незаметно. Я был в предвкушении. Казалось, только только начал свое восхождение, а уже вижу конец лестницы.

С замиранием сердца я ждал этого момента. Лестница закончилась, и тут я увидел его.

Весь в белом, Эмири несильно выделялся на фоне облаков. Мое лицо озарила самая широкая в мире улыбка. Он тоже улыбался. Я бежал к нему навстречу, выкрикивая его имя, и обнял. Мои руки коснулись чего-то мягкого и пушистого – это были крылья.

– Я так рад тебя видеть! Как ты тут? Я так скучаю, – выпалил я на одном дыхании.

Эмири улыбался мне своей детской и очаровательной улыбкой. Его голос совсем не изменился и был в точности таким, как я его запомнил:

– Я тоже очень скучал. Как там мама?

– Она очень грустит по тебе. Тебе тут хорошо?

– Да, спасибо.

Я тщательно взвесил все слова и осторожно произнес:

– Послушай, может, ты вернешься к нам?

– Прости, Римини, но я не могу. Я бы хотел, но не могу.

Я не смог сдержать вздох разочарования:

– Понятно. Я пришел, чтобы поздравить тебя. С Днем Рождения! – сказал я, как можно веселее и протянул ему свой подарок. – Помнишь его?

Глаза Эмири загорелись как раньше, он был действительно рад, как будто я принес ему не просто игрушку, а то, чего ему недоставало для безудержного счастья.

– Спасибо большое! Это самый лучший подарок в моей жизни! Я всегда буду с ним играть!

От его слов я был рад не меньше.

– Послушай, – сказал Эмири, – тебе пора возвращаться, мама скоро проснется.

– Мы больше не увидимся? – я с грустью посмотрел на него.

– Я не знаю, – честно ответил он, – но мы всегда будем помнить друг о друге, не грусти.

Мне бы тоже хотелось подарить тебе что-то на память, но у меня ничего нет. Разве что...

Он завел руки за спину и вырвал перо из своих крыльев.

- Я положу его тебе под подушку, чтобы ты не потерял, пока будешь спускаться вниз.
- Хорошо.
- Давай прощаться.
- Ага, – прохрипел я, все еще расстроенный оттого, что он не может пойти со мной. Я обнял его так крепко, как только мог.
- Прощай, Римини.
- Я люблю тебя.

Я не помню, как оказался дома, но проснулся уже в своей кровати. Как только я разлепил глаза, первым делом помчался в комнату к маме.

– Мама, мама, – кричал я, залезая к ней на кровать, – я вчера видел Эмири. Я лазал к нему на небо, ты тоже можешь с ним встретиться. Там есть лестница...

– Римини, о чем ты?

Я схватил ее за руку и потащил к окну.

– Смотри! Смотри! Там лестница у дуба, видишь?

– Ох, Римини, – мама вздохнула и отошла от окна.

Сначала я не понял, почему она так себя вела. Ведь она должна радоваться, что может увидеть Эмири. Я сам взглянул в окно. Лестница пропала, да что уж, даже моя жалкая лесенка испарилась. Я испугался. Неужели это был только сон?

Я побежал в свою комнату. Тихо подошел к кровати, словно боялся кого-то спугнуть. Задержав дыхание, резко отшвырнул подушку в сторону и сильно зажмурился. Я боялся, что мои ожидания не оправдаются. Но любопытство взяло верх. Я осторожно открыл один глаз, а затем и второй.

На моей простыне мирно покоилось большое белое перо.

## Наперегонки

Мы вышли в поле. Точнее, вышел он, а я выбежала за ним. Он очень быстро ходит. Так быстро, что мне приходится бежать изо всех сил, чтобы быть наравне. Иногда он обгоняет ветер. Его шаги очень тихие и спокойные, даже когда он бежит. Я завидую ему. Я не умею так тихо передвигаться. Он всегда знает, если я брожу по ночам по коридору или просто по комнате. Мои шаги эхом разлетаются повсюду. Он часто смеется и говорит мне, что я сильно стучу по паркету, когда хожу. Пару раз я пыталась возмутиться, но он говорил с такой очаровательной ухмылкой, что я перестаю на него злиться. Ну как можно ворчать, когда тебе так улыбаются? В такие моменты я тоже ему улыбаюсь, а он гладит меня по носу. Так мило. Я морщусь, а он улыбается еще больше.

Он все время готовит мне завтраки. Конечно, он не приносит их мне в постель, но я никогда не ухожу от него голодная. И мне это нравится. Нравится, что он может заботиться не только о себе. Это приятно. Кажется, я действительно что-то значу для него. Наверное, это и есть любовь.

Мы завтракаем вместе. Каждое утро, даже когда он не ночует дома. Он приходит под утро, и мы все равно едим вместе. Мы не пропустили ни одного утра и ни одного завтрака. Я очень люблю завтраки.

Еще он любит мороженое. Ванильное в хрустящем рожке. Правда со мной не делится – он его слишком любит, но зато мне всегда удается развести его на рожок. Он говорит, что тот забавно хрустит, когда я его ем. Я не вижу в этом ничего забавного, но я рада, что он рад.

После еды мы идем на прогулки. Длинные и долгие. Неважно, какая погода – снег или дождь, мы все равно гуляем. Каждый день. Я люблю солнце, а он – дождь. Под дождем он всегда ведет себя как ребенок: прыгает по лужам, брызгается, гоняет голубей. Он такой смешной, такой милый и родной, что я даже научилась радоваться дождю, потому что он его любит.

Сейчас середина лета. Июнь. Солнечно. Тепло, даже жарко. Мы вышли в поле, где бегаем каждый день. Он оглянулся, позвал меня и побежал. Я рванула за ним. Он бежал изо всех сил, а я слегка поддавалась ему, специально не обгоняла. Я знаю, что ему нравится меня обыгрывать, а мне несложно ему подыграть. Ведь он такой счастливый, когда первый добегают до канавы. Там у нас своего рода привал: он растягивается во весь рост на траве, а я ложусь рядом, и он гладит меня по голове.

В такой идиллии мы лежим минут пять – десять. Вдруг он неожиданно подскакивает, и я понимаю, что нужно бежать. Только сейчас бежать должна я одна. Он не побежит. Он будет стоять, и смотреть, как я быстро удаляюсь, скрываясь в высокой траве.

Это своего рода задание. Оно только для меня, не для него. Он сам его придумал... Обычно я всегда справляюсь. Сходу. Обычно это бывает просто, как раз-два-три. Но не в этот раз. Сейчас все почему-то сложнее, ну или я теряю хватку, или он хитрит. Я уже несколько минут бегаю в высокой траве. Безусловно, я могу сказать ему, что сдаюсь, но не хочу. Не хочу его разочаровывать. Конечно, мир от этого не рухнет, но я не хочу жаловаться, не хочу, чтобы он думал, что я слабая. Я сильная – хоть и маленькая, но сильная. Я обязательно справлюсь. Хотя бы ради него, ради его улыбки. Хочу, чтобы он мной гордился и говорил мне, какая я замечательная.

Я обернулась – он все еще стоит и смотрит на меня, засунув руки в карманы шорт.

– Брось это! – кричит он мне. – Пошли домой.

Ну уж нет! Я не сдамся. Я его не подведу. Я смогу. Я это уже сто раз делала, а значит, смогу сделать и в сто первый. Я приминаю длинную траву, слышу, как он смеется. По звуку его смеха пытаюсь определить, что именно его веселит: моя неудача или моя упертость. Кажется, все-таки упертость...

Ловлю себя на мысли, что тоже улыбаюсь, слыша его смех. Пытаюсь сосредоточиться, но его смех меня отвлекает. Я не выдержала и сказала ему, чтобы он меня не отвлекал. В ответ он еще больше рассмеялся.

Я остановилась и замерла. Что-то подсказывало мне, что я близко к цели. Это как игра в «Горячо-или-холодно». Я чувствовала, что еще пока не «горячо», но уже «тепло». Это радовало. Я повернула налево и чуть-чуть пробежала вперед.

«Горячо».

Я наклонилась и присмотрелась. Раздвинула длинную траву... и ура! Я нашла то, что искала. Я не сдержала радостный вопль, мне даже захотелось захлопать в ладоши, от нахлынувших эмоций.

Я справилась! Справилась! Я нашла ее!

Счастливая, я побежала к нему, так быстро, как только могла. Мне хотелось скорее его обрадовать. Он увидел, что я бегу к нему и стал мне улыбаться и звать по имени. У меня красивое имя.

Расстояние стремительно сокращалось, я подбежала к нему и улыбнулась, уткнувшись в него носом. Он засмеялся, ему было щекотно.

– У тебя мокрый нос, – сказал он сквозь смех.

Я ничего не ответила, только улыбнулась. Он потрепал меня по голове, а я посмотрела ему глаза. Интересно, какого они цвета? Я думаю, что они какого-нибудь доброго оттенка. Я бы хотела знать это наверняка, а не теряться в догадках. Еще я бы хотела сказать ему, как сильно люблю его, хотя мне кажется, что он и так это понимает.

– Ну что, – спросил он, лукаво махнув рукой в воздухе, – еще сыграем или пойдем домой?

Я сказала ему, что хочу еще.

Он улыбнулся и со всей силы кинул палку, которую я принесла ему минуту назад. Она еще не успела приземлиться, а я уже за ней побежала.

На этот раз мои четыре лапы меня не подведут...

## Крылья

Близко. Майкл стоял очень близко к гробу, плотно закрытому крышкой. На крышке возвышался большой и пышный букет из белых цветов. Мужчина смотрел на них и пытался вспомнить название, но у него никак не получалось. Нужное слово вертелось где-то на языке, но никак не шло на ум. Цветы очень похожи на лилии, но это точно не они, хотя, впрочем, какая разница, это не так уж и важно, главное теперь другое. Точнее другой: человек, который находился по ту сторону гроба. Этот человек был Михаэль Фрего – он сам. То есть фактически Майкл присутствовал на собственных похоронах. Мужчина перестал думать о цветах, теперь его голову занимали другие мысли – неужели он действительно умер? Может, это все сон?

Майклу было тридцать три года, высокий кареглазый брюнет, Стрелец, с россыпью родинок на правой руке, владелиц художественной галереи, где с сегодняшнего дня начиналась неделя Гойи. Его родители жили в нескольких кварталах от него, он часто их навещал. Сегодня суббота, а его мама всегда пекла по субботам лимонный пирог. Он женился в двадцать шесть на Жизель. У нее были большие глаза и очень гладкая кожа, это так нравилось Майклу. Они познакомились случайно в аэропорту, хотя позже на собственном опыте убедились, что случайностей не бывает. Через два года после свадьбы у них родилась девочка – Люси – миниатюрная копия мамы, но с папиными глазами. Каждое воскресенье всей семьей они ходили в зоопарк, где Майкл покупал дочери большую, похожую на огромный шар, сладкую вату, в лоскутках которой уже через пять минут, благодаря феноменальным способностям Люси, была перепачкана вся семья. Еще Люси очень нравилось смотреть на медведей, и каждое воскресенье по возвращении домой, девочка, очаровательно хлопая длинными ресничками, упрашивала папу подарить ей на день рождения, ну или на любой другой приближающийся праздник, маленького медвежонка... И все это тоже не имело никакого значения. По-хорошему, если вдуматься, то для Майкла сейчас больше ничего не имело абсолютно никакого значения.

Майкл с шумом выдохнул и устало потер глаза. Голова шла кругом. Мужчина перевел взгляд в сторону, и его глаза невольно стали улыбаться, глядя на маленькое очаровательное создание шести лет с двумя длинными густыми косами: Люси – его гордость и счастье. А рядом с ней, держа ее за руку, стояло еще одно Счастье. Жизель и Люси являлись самыми главными женщинами его жизни, именно они наполняли его мир смыслом... А почему «являлись»? Почему «наполняли»? Нет, неправда! Не так! Есть и наполняют.

Майкл, преисполненный решимости, широкими шагами направился в сторону жены и дочери.

– Стой! – окликнул его кто-то, – не так близко. Они могут тебя почувствовать, а ребенок вообще может увидеть.

Майкл напрягся. Кто посмел так грубо назвать его Люси просто «ребенком» – у нее же есть имя?! Майкл обернулся. Он увидел высокого и статного мужчину лет пятидесяти с небольшой проседью на висках и в кипельно-белом костюме, который на фоне зеленой лужайки казался еще белее, что, по мнению Майкла, было совсем не уместно на похоронах.

– Вам не кажется, что ваш костюм не подходит для этого события? У нас тут похороны вообще-то! И вы, собственно говоря, кто? Я вас не знаю, – выпалил Майкл на одном дыхании, и только в ту секунду, как его губы сомкнулись, до него дошло, что этот таинственный незнакомец единственный из всех присутствующих здесь и сейчас, кто видит его и слышит.

Перехватив непонимающий взгляд Майкла, мужчина в костюме улыбнулся, словно прочел его мысли и кивнул в ответ:

– Да, я тебя и вижу, и слышу, даже когда ты ничего не говоришь. Я Рафаэль, – незнакомец протянул Майклу руку.

Михаэль стал протягивать свою ладонь в ответ, но потом резко отдернул, вспомнив о не так давно произошедшем с ним эпизоде. Он попытался погладить по щеке спящую жену, и не чувствовал прикосновение, как будто его рука проходила сквозь нее, словно он пытался потрогать воздух.

– Не бойся, – Рафаэль снова улыбнулся, и, наверное, снова прочел его мысли, – это рукопожатие ты точно почувствуешь.

– Кто ты? И почему мы видим и слышим друг друга, хотя остальным до нас нет никакого дела? – Майкл обернулся и увидел все тех же людей и священника, который читал молитвы над гробом, ни один человек не смотрел в их сторону. – Ты тоже умер?

– Чтобы умереть, надо жить.

Майкл непонимающе смотрел на собеседника.

– Я тот, кто сидит на твоём правом плече, точнее сидел, пока ты был жив. Я твой ангел-хранитель.

– Ангел-хранитель? – Майкл не переставал удивляться, – сегодня мне снится очень странный сон... самый странный за всю мою жизнь, – мужчина нервно усмехнулся.

– Ты не спишь. Ты умер, – спокойно ответит Рафаэль. – Печально, но факт, ты должен его принять.

– Равно как и то, что ангелы-хранители существуют, и это вовсе не плод моего разыгравшегося воображения? Конечно, я так и понял.

Утомленный голос Рафаэля, как будто указывал на то, что подобного рода диалоги происходят у него по нескольку раз на дню:

– Многие так считают. Весьма распространенное заблуждение, что нас не существует.

– И что теперь? Что со мной дальше будет?

– Ты отправишься туда, куда заслуживаешь.

– И что же я заслуживаю? – скептически бросил Майкл, все еще сомневаясь в том, не сон ли все происходящее.

– Разве то, что сейчас перед тобой стою именно я, не дает тебе ответа на твой вопрос?

В эту секунду Майкл почувствовал себя невероятно глупо, кажется, последний раз он так глупо себя чувствовал, когда ему было лет семь.

– И как мы туда попадем? Сомневаюсь, что рай находится именно здесь, – носком правого ботинка Майкл пнул комочек земли, который тут же рассыпался.

– Мы начнем наш путь, как только ты будешь готов и завершишь все дела, которые удерживают тебя.

Сначала Майкл не понял, о чем говорит Рафаэль, какие у него могут быть дела, он же умер?! Но потом мужчина догадался, что ангел имел в виду.

– Только не подходи слишком близко.

Майкл кивнул и сделал несколько шагов в сторону жены и дочери. Они были такие красивые и стояли совсем рядом. Казалось, просто протяни руку, и он сможет обнять их в последний раз. Жаль, но это была всего лишь иллюзия – красивая и недоступная, но безумно притягательная. Майкл всегда с удовольствием дарил ласки и улыбки своей семье, но сейчас, глядя на них, ему стало казаться, что он делал это недостаточно часто. От мысли, что больше никогда не сможет быть рядом с ними, ему стало по-настоящему больно.

Жизель опустилась на колени, чтобы покрепче обнять Люси за плечи, по щекам девочки катились большие и крупные слезы. Сердце Майкла разрывалось, глядя на них. Если бы Майкл мог просто обнять их обеих, сгрести в охапку и никогда больше не отпускать, тогда все было бы иначе: Люси бы не плакала, а смеялась. У нее был звонкий и заразительный смех.

Иногда нам не хватает всего лишь одного объятия, чтобы все изменилось; одно объятие, чтобы стать по-настоящему счастливыми.

Майкл просто стоял и смотрел на Жизель и Люси, а Рафаэль терпеливо ждал в стороне. Мужчина хотел запомнить каждый миллиметр, каждую черточку самых любимых и дорогих лиц на свете, но он не хотел помнить их такими – грустными, плачущими. Майкл закрыл глаза и представил Жизель и Люси смеющимися, радостными, такими, какими он видел их сотни раз, когда они были все вместе ходили в парк на прошлой неделе, когда они были счастливы: Жизель смотрела ему в глаза и улыбалась, а Люси, сидя у него на плечах, смеялась над огромной и причудливой тенью, которую они отбрасывали на зеленую траву....

Майкл выдохнул и открыл глаза. Увиденная картина потрясала. Он стоял на большом белом облаке, расстилавшемся на километры и километры вокруг, ему не было видно ни конца, ни края. Облака были повсюду: над ним, под ним, вокруг него.

– Но я не успел попрощаться с ними!

– Это было самое трогательное прощание, которое я видел. Без слез, без криков и истерик, только чистые и теплые эмоции.

– Это и есть рай? – честно говоря, Майкл представлял его совсем не таким.

– Не совсем, – Рафаэль жестом показал Майклу, чтобы тот следовал за ним.

Какое-то время они шли молча. Майклу их путь казался бесконечным. Антураж вокруг все не менялся, создавалось впечатление, что они стоят на месте и просто переставляют ноги, но при этом никуда не двигаются. Куда ни глянь, вокруг один сплошной горизонт. Бесконечный. Было похоже на дорогу в никуда. Это был самый нелепый и длинный путь в жизни Майкла, мужчина утомился и начинал мысленно ворчать.

– Мы прошли всего девять облаков, а ты уже ноешь. Ты весьма нетерпелив, друг мой.

Девять облаков?! Он что, издевается?! Это что еще за мера длины такая? Сколько это в километрах? Майкла очень интересовал этот вопрос, но вслух он задал другой:

– И сколько еще облаков, – он умышленно сделал акцент на этом слове, – нам осталось пройти?

– Столько, сколько потребуется, чтобы ты перестал чувствовать злобу и раздражение. Этим чувствам нет места в том мире, куда ты должен отправиться.

Рафаэль и его ответы стали нравиться Майклу все меньше, он стал подозревать ангела в занудстве.

– Ясно. Тогда, наверное, мы будем идти очень долго. Я весьма раздражителен и злоблив, – сухо бросил мужчина и, моргнув, увидел, что теперь они стоят перед огромными, украшенными причудливой резьбой золотыми воротами. Удивлению Майкла не было предела: – Нужно было всего лишь моргнуть, чтобы оказаться здесь? Еще секунду назад никаких ворот и в помине не было.

– Признание своего несовершенства – начало пути к их искуплению.

Рафаэль обошел Майкла и приблизился к золотой решетке, на которой не было ни единого замка. Ангел легко коснулся металла, и массивные ворота приветливо распахнулись, пропуская уставших путников, но как только они оказались по ту сторону, решетка тут же закрылась.

Перед ними величественно возвышался громадный белый замок, окруженный садом, который пересекали дорожки с цветущими кустами белых роз. Майкл заметил несколько фонтанов в глубине сада, рядом с которыми бегали и резвились дети с маленькими крылышками за спиной.

– А где твои крылья? – спросил Майкл, когда они проходили мимо стайки шалящих ангелков.

– Можно сказать, что у меня их нет, потому что я особенный. *Особенный* для тебя.

– В смысле?

– Ты не можешь видеть мои крылья, потому что для тебя я не просто ангел...

– А, ну да, ангел-хранитель, – Майкл закончил за него предложение.

– Именно. Души не видят крыльев своих ангелов-хранителей, но видят крылья других ангелов, равно как и ангелы не видят крыльев своих подопечных. Это сделано для того, чтобы мы могли выделяться и отличаться друг для друга.

– Рафаэль, поясни, то есть если у меня есть свой персональный ангел, то, значит, и есть свой... – Майкл на секунду замялся, не зная, уместно ли употребить слово «дьявол» в этом месте? Или это бы выглядело так же, как белый костюм на похоронах?

– Да, есть. И ты тоже сможешь его узнать среди других. Он тоже *особенный* для тебя.

Они прошли мимо девушки, сидящей на траве и что-то пишущей в большой тетради – кажется, она сочиняла музыку, около ее ног лежала арфа. Она привлекала внимание своими большими и белыми крыльями, они казались просто огромными на фоне хрупкой фигуры их обладательницы, а над ее головой ярко светился нимб. Майкл обернулся через плечо, но у него за спиной ничего не было.

– А где мои крылья? У меня их нет?

– Отчего же, – Рафаэль указал на тени, которые отбрасывали их фигуры.

Тень Майкла была намного длиннее, чем сам мужчина, и у него за спиной отчетливо виднелись темные очертания крыльев, а над головой – силуэт нимба, который, должно быть, тоже сиял ярким светом, как у девушки—музыкантши.

– Но почему тогда я ничего не вижу? – Майкл махнул рукой над головой, где была тень нимба, но он почувствовал лишь воздух.

– Никто не видит своих крыльев, но мы можем видеть чужие. Мы не должны забывать, кто мы есть не, но при этом никогда не пытались возгордиться и стать тщеславными от того, что имеем.

Ответ ангела как всегда был путанным, но основную мысль Майкл уловил: никто не должен видеть в себе Бога и возвышать себя над другими в мире, где все равны.

Крылья и нимбы испокон веков ассоциировались с чем-то божественным, ангелоподобным или даже непосредственно с самим Богом. Души, хоть и имеют крылья и нимб, не равны ангелам, а уж Богу и подавно – мы не видим своих крыльев, а значит, и не искушаем себя. Наличие крыльев в какой-то степени приближают к Богу, но то, что мы их не видим, напоминает о том, что мы не боги. Довольно-таки мудро, если разобраться.

– А у Бога, у него есть крылья?

– Да.

– Я могу его увидеть?

– Нет. Не сейчас. Может, позже, – Рафаэль был, как всегда, краток. – Но ты можешь увидеть его крылья. Посмотри на небо, и ты будешь удивлен тому, как *Он* на самом деле близко.

Майкл посмотрел наверх. Лазурное небо над его головой казалось бесконечным, таким ярким, каким он никогда не видел его, пока был жив, даже ребенком, когда все кажется больше, чем есть на самом деле. Где-то высоко ярким светом светило солнце, такое желтое, как желток в яйце. В Раю, должно быть, есть свое персональное светило. Затем Майкл увидел то, чего никогда никто в жизни просто физически не мог увидеть: соседями солнца на этом чудо-небосклоне была россыпь огромных и ярких звезд, они заполняли собой большую часть неба. Приглядевшись, Майкл заметил, что они располагаются не так хаотично, как кажется на первый взгляд: две самых крупных и ярких звезды располагались выше остальных, должно быть, обозначив собой пик каждого крыла, а остальные уже спускались ниже, очерчивая контур. Внутри каждого крыла что-то перемигивало и сверкало. Словно крылья состояли из драгоценных камней или каких-нибудь самоцветов. Зрелище, безусловно, завораживало.

– Я никогда не видел таких звезд.

– Я открою тебе один секрет: звезды, которые вы видите на Земле – кусочки крыльев Бога. Их яркость зависит от веры человека, который на них смотрит, – Рафаэль перевел взгляд на Майкла, – судя по выражению твоего лица крылья, которые увидел ты, весьма ярки.

Мужчина ничего не ответил и перестал задавать вопросы. Дальше они шли молча, медленно приближаясь к замку.

– Что это? – спросил он, когда они с Рафаэлем стали подниматься по лестнице, ведущей к воротам.

– Теперь это твой дом.

Майкл счел это заявление странным, и отнесся к словам ангела скептически. Бесспорно, замок выглядел громадным, но как там могут жить все обитатели Рая? Или тут у каждого свой персональный дом? Если так, то Майкла такой расклад вполне устраивал, хотя это все казалось маловероятным: белый дворец был единственным сооружением, которое видел мужчина, а значит, замок один на всех.

Рафаэль остановился на пороге и сказал:

– Нам пора прощаться, дальше ты пойдешь один. – Ангел перехватил взволнованный взгляд Майкла: – Не волнуйся, ты быстро освоишься. И запомни: некоторые вещи не всегда являются тем, чем кажутся на первый взгляд. И если тебе что-то понадобится, то ты всегда можешь меня позвать. Имя ты мое вроде запомнил, так что...

Майкл кивнул и стал протягивать руку, чтобы попрощаться, но Рафаэль лишь улыбнулся и растворился в воздухе.

Мужчина усмехнулся и потянул за ручку. В глаза тут же ударил яркий свет, заставляя жмуриться. Майкл шагнул в образовавшийся зазор между створками дверей. Когда его глаза привыкли к такой яркости, он сначала не поверил своим глазам: перед ним расстилался огромный цветущий дол. Майкл никогда не видел столько деревьев. Где-то пели птицы, кто-то играл на струнном инструменте, возможно арфе. Уходя прямо в небо, так, что не было видно их вершин, возвышалась вереница гор, поросших кустами и деревьями, а в одной из гор виднелся грот с размеренно шумевшим водопадом. Практически вся растительность была в цвету – вечная весна или вечное лето. Все вокруг выглядело и звучало очень гармонично, и не раздражало ни зрение, ни слух.

Навстречу ему шла девушка с белой, почти прозрачной, но потрясающе красивой кожей. Она несла в руках плетеную корзинку и ослепительно улыбалась Майклу. Он улыбнулся ей в ответ. Девушка подошла ближе, поставила свою корзинку на землю. Майкл увидел, что она полна спелых и сочных гранатов. Они так и манили своим видом. Мужчина подумал, что безумно хочет их попробовать. Он всегда любил гранаты.

Незнакомка снова улыбнулась и, присев на корточки, стала мыть фрукты, поливая их водой из фляги, висевшей у нее на поясе.

– Давай я помогу? – предложил Майкл, опускаясь рядом с ней, но незнакомка лишь улыбнулась и покачала головой, всем своим видом показывая, что она может справиться сама.

Девушка ловко мыла плод за плодом и складывала их на полотенце, которым была накрыта корзинка.

– Угощайся, – она протянула ему самый спелый плод, который казалось, вот-вот лопнет от спелости.

Майкл был поражен тем, что девушка ведет себя с ним так, как будто он был ее давним другом, а не просто незнакомцем, случайно попавшимся по пути.

– Спасибо, – он взял гранат и с громким хрустом разломил его, по рукам тут же заструился красный липкий сок.

Майкл протянул одну половинку девушке, но та снова улыбнулась и, подхватив свою корзинку, поцеловала в щеку и, ловко скользнув за его спину, продолжила свой путь. Пораженный мужчина обернулся, но девушки уже не было. От ее присутствия остался только разломанный фрукт, сок которого капал на песок под ногами у Майкла.

Снова удивившись, он продолжил путь, точнее прогулку, потому что путь – это когда есть цель, а у него ее не было. Майкл медленно шагал, наслаждаясь природой. Ему часто встреча-

лись люди, и каждый встречный казался еще более приветливым и дружелюбным. Наверное, что-то неуловимое витало в воздухе, что делало всех такими радушными, Майкл не переставал удивляться. Видеть улыбки на лицах незнакомцев – совсем не раздражало, а наоборот – радовало и оставляло какой-то приятный осадок.

Вдруг кто-то окликнул его по имени. Майкл тут же узнал голос говорившего, хоть еще и не видел его.

– Бруно! – он оглянулся и увидел улыбающегося молодого человека с курчавыми волосами. – Я так рад тебя видеть!

Мужчины обнялись, Майкл был готов заплакать в ту минуту, когда руки брата стали похлопывать его по спине, крепко обнимая, как в старые добрые времена. Майкл уже почти забыл, какие у его младшего брата крепкие объятия.

Бруно внимательно изучал брата, потом сказал:

– Ты изменился.

– Прошло всего четыре года! – попытался возмутиться Майкл.

– Я не видел у тебя этих морщин. А это что, седые волосы?

– Зато ты совсем не изменился, остался таким же, каким я тебя запомнил, – Майкл хлопнул брата по плечу: – Чертовски скучал по тебе!

Бруно усмехнулся своей фирменной улыбкой, которую так любил Майкл.

– Я тоже. Ты слишком быстро ко мне присоединился. Я не рассчитывал увидеть кого-то из семьи так быстро, особенно тебя, – в глазах Бруно мелькнула грусть.

В планы Майкла это тоже не входило. В его планах было этим летом свозить Жизель и Люси в Диснейленд, завести собаку, навестить родителей, наблюдать за тем, как растет дочь, провожать ее в школу, не ругать ее за двойки и за то, что ее щенок будет сгрызать пульт от телевизора или чьи-нибудь тапочки. В планах было делать Жизель еще счастливее, возможно, завести еще одного ребенка, научить Люси играть в бейсбол (и научиться играть самому), смотреть футбол по субботам, иногда пить пиво. Еще больше любить Жизель, готовить ей крепкий кофе по утрам, просыпаться с ней рядом, жмуриться от счастья, смотреть на спящую Люси, восхищаться тем, что она... да нет, просто восхищаться ею...

– Я тоже как-то на это не рассчитывал, если честно.

У них завязалась очень длинная беседа. Они говорили абсолютно обо всем: о рае, о жизни здесь и там, Майкл рассказывал Бруно, как идут дела у его любимого футбольного клуба, рассказывал про Люси, ну а Бруно в свою очередь делился мыслями и впечатлениями от своего бесконечного, равно как и у Майкла теперь, времяпрепровождения здесь. Оказывается, в раю не так уж и здорово, то есть, конечно, хорошо, но везде есть свои минусы, и рай не был исключением. Майкл раньше никогда бы не подумал, что слово «рай» и «минус» можно употреблять в одном предложении, это был как-то в новинку. Как и многое, что случилось с ним за сегодня.

Рай держался на трех столпах – бесконечности, безмятежности и беззаботности. Бесконечность заключалась в отсутствии хода времени, точнее, в отсутствии возможности следить за его ходом. Погода всегда одинаковая – солнечно и тепло, хотя иногда и собирались тучи, лил дождь, но это бывало, как правило, редким, кратковременным явлением. Как сказал Бруно, если идет дождь – в такие дни Бог чем-то разгневан. Ночи, как таковой, в раю не существовало, что слегка пугало и озадачивало Майкла. Мужчина подозревал, что отсутствие ночи и какого-либо природно-временного разнообразия когда-нибудь наскучит ему или сведет с ума очень и очень быстро; все одинаковое имеет свойство рано или поздно (обычно рано) приедаться и надоедать.

Безусловно, рай имел множество ярких и интересных сторон. Взять хотя бы абсолютную свободу в плане деятельности. Ты волен делать что хочешь. Никто никогда не скажет тебе, что ты делаешь что-то не так, не сделает замечания. Вот этого момента часто не хватало Майклу в повседневной жизни.

Бога в раю никто не видел, так сказал Бруно. Говорят, что он сидит на небе и никогда не спускается сюда – вниз, если можно так выразиться. Но иногда ходят слухи, что все же есть парочка душ, которые его видели и даже общались, но они не особо распространяются о его божественной внешности и сущности, так что Бруно был уверен, что это все неправда.

Запретных плодов не существовало, но ограничения, однако, были. Можно было воплотить в жизнь практически любое свое желание; сила мысли развита на все сто.

– Скажи, что ты делал здесь? Чем занимался все время?

Майклу не верилось, что, даже не смотря на такие обширные возможности, кто-либо может придумать столько дел и занятий, чтобы скоротать вечность. Это же нереально!

В ответ Бруно усмехнулся:

– Я убивал это самое время. В какой-то степени это было даже здорово, пока не надоело. Я нашел возможности и научился тем вещам, на которые у меня раньше не хватало времени, желания, или банальной силы воли, чтобы переступить через свою лень. Тут я стал художником, кто бы мог подумать, правда? – Бруно улыбнулся брату. – Я научился хорошо играть на гитаре и пианино, а не как раньше, когда все наши соседи сходили с ума, когда я брал в руки инструмент...

Майкл засмеялся, раньше его брат действительно играл отвратительно.

– Еще я научился выделывать такие финты на футбольном поле, что Рональдо и Зидан умерли бы с зависти. Я, кстати, планирую поиграть с ними, когда они к нам присоединятся. Я действительно научился многим вещам, прочитал массу потрясающих книг, потратил время на стоящие вещи, но все же, не смотря на все это, со временем тут становится очень скучно.

Чем больше времени ты проводишь в раю, тем большими вещами ты можешь научиться или обладать, но чем больше ты умеешь, тем скучнее тебе станет в будущем, потому что жажда знаний будет вести тебя вперед, но, к сожалению, ты не всегда будешь иметь возможность ее утолить. Если бы можно было разделить этот бесконечно-длинный день на отрезки, на сутки, то все было бы по-другому, было бы лучше.

Бруно прервал свой рассказ и стал внимательно смотреть куда-то сквозь брата.

Майкл обернулся, чтобы узнать, чем вызван такой интерес Бруно. За его спиной на импровизированной песчаной площади стали собираться души, их было так много, что Майкл сначала не разглядел пьедестала, возвышавшегося где-то среди толпы. Вдруг откуда ни возьмись на пьедестале, материализовавшись из воздуха, появился большой ангел в белых светящихся одеждах и огромными крыльями за спиной. В его руках была золотая тетрадь, которую он крепко прижимал к себе. Ангел ничего не говорил и не делал, а просто стоял и смотрел на души, которые все прибывали и прибывали.

– Что происходит?

– Это Вестник. Он приносит известия с земли, рассказывает о родных и близких, словом, о тех, кто остался там. Он расскажет про каждого присутствующего. Кстати, он, наверное, является единственным мерилем времени.

– В смысле?

– Вестник появляется раз в три земных года. Время летит тут гораздо быстрее, чем на земле.

Майкл кивнул и предложил Бруно пойти на площадь. Он лелеял надежду услышать что-нибудь про своих девочек, мысли о которых занимали всю его душу и сердце. Даже когда он говорит на отвлеченные темы, то часть его все равно не перестает думать о Жизель и Люси. Интересно, люди, оставшиеся там, чувствуют, что о них думают здесь? Майкла очень интересовал этот вопрос. Ему хотелось верить, что да.

Братья побрели в сторону площади. Как только они подошли, Вестник практически сразу открыл свою тетрадь, окинул толпу беглым взглядом и стал монотонно зачитывать новости и события из земной жизни. Он рассказывал про какую-то девушку, у которой было бесчис-

ленное количество канареек, и что-то там еще, наверное, не менее захватывающее и интересное из ее жизни, но Майкл не слушал.

Мужчина с замиранием сердца ждал, когда дойдет очередь до него. Точнее, до его семьи. Вестник зачитывал информацию из своей тетради то про одних, то про других. Чем дольше он читал, тем призрачнее в его душе становилась надежда на то, что Вестник обмолвится про его семью хоть парой слов. Мужчина чувствовал, что еще две-три новости и Вестник захлопнет свою тетрадь. Интуиция не подвела.

Майкл поначалу даже не поверил своим глазам, когда увидел, как Вестник закрыл свою тетрадь и начал медленно спускаться со своего пьедестала. Он был в недоумении. Почему про его семью не сказали ни слова? Он что-то сделал не так? Или дело в том, что он был в раю своего рода новеньким, и для него еще нет вестей, или была какая-то другая причина? Вдруг с его семьей что-то случилось? Эта мысль заставила непроизвольно содрогнуться.

Майкл обратил внимание, что Вестник не зачитал ни одной плохой вести и не поделился ни одним нерадостным событием, и сейчас он задумался – было ли это простым совпадением, или здесь изначально крылся какой-то умысел? Все выходит уж как-то больно подозрительно и сказочно, даже для рая. На площади были сотни душ, и неужели ни у кого из них в семьях не случилось ничего плохого? В этом Майкл сильно сомневался, тем более Вестник сказал далеко не про всех, а Бруно говорил, что у него должна быть весть для каждого. Так почему лица тех, про чьи семьи не было сказано ни слова, чуть ли не светятся от поднимающейся изнутри и дико рвущейся наружу тревоги? Неужели и в раю сплошной обман и надувательство? Неужели рай – это мир, где новости и события фильтруются согласно тому, на сколько баллов они тянут по шкале спокойствия-и-безмятежного-неведения? Кажется, Майкл начинал разочаровываться в этом месте, и, судя по тем же опечаленным и снедаемым тревогой лицам вокруг него, его теория, скорее всего, имела место быть.

Майкл стал пробираться сквозь толпу, порой достаточно грубо отпихивая людей, за крыльями которых иногда ничего не было видно. А у Майкла нет на это времени, он не мог упустить Вестника, остальное его не заботило. Мужчина почувствовал, как кто-то схватил его за руку, вероятно Бруно – больше некому, – Майкл высвободился из некрепкой хватки, и практически приблизился к своей цели.

– Простите, – он на мгновение осекся, не зная как обратиться к ангелу, а потом просто выпалил на одном дыхании: – Я Майкл, я попал сюда недавно, – Вестник сосредоточенно смотрел на него, чуть наклонив голову в бок. – Я хотел узнать у Вас, как моя жена и дочь? Их зовут Жизель и Люси. Сказать фамилию?

Вестник продолжал, не моргая, смотреть на Майкла, как будто тот был с пришельцем и говорил на неведомом ему языке.

– С вами все в порядке? Чем я могу вам помочь?

– Моя семья, – Майкл был поражен, неужели он его совсем не слушал? – Я хочу узнать, как они. Вы ничего про них не сказали.

– Я сказал про всех, от кого у меня были известия. Помочь Вам не в моей компетенции.

Вестник стал потихонечку продвигаться вперед, но Майкл загородил ему дорогу и продолжал упорствовать:

– А в чьей?

Вестник задумчиво глянул на него.

– Не в моей, – Вестник расправил крылья и взмыл высоко в небо, через мгновение его уже и след простыл.

– Проклятье! – выругался Майкл.

На его плечо легла чья-то рука.

– Ты в порядке? – спросил Бруно, чуть сжимая плечо брата.

– Я должен их увидеть и убедиться, что с ними все хорошо, понимаешь? – голос Майкла звучал так твердо, что он сам не ожидал от себя такой реакции, это был чистый выброс эмоций, значит, решение было верным: – Я должен, – уже чуть спокойнее продолжил он, – я все еще муж и отец. Они моя семья, я не оставлю их.

– Я понимаю твои чувства, но ты не понимаешь, что ты говоришь. Это невозможно. Наши миры навсегда разделены, и тебе не пересечь их, как бы сильно ты этого не хотел. Думаешь, ты первый, кто раздражается гневом и пытается изменить давно сложившийся миропорядок?

– У кого-нибудь получилось?

– А ты как думаешь?

– Неважно, – решительность не покидала Майкла ни на минуту, а наоборот, усиливалась с каждой секундой. – Это все неважно. У меня получится. Я найду способ. Он должен быть.

Майкл бормотал себе под нос и со стороны напоминал человека, который явно не в себе.

– Его не может не быть.

Мужчина походил немного туда-сюда, пытаясь сосредоточиться и отогнать от себя чувство огромного волнения, которое росло у него в душе и мешало думать.

Должен быть способ. Лазейки есть всегда и везде, их нужно просто отыскать. Просто суметь отыскать. Он мысленно приказывал себе начать соображать, ругал себя, что такой дурак, потому что чувствовал, что решение находится где-то у него под носом, а он не может его найти.

– Ты, кажется, говорил, что стоит только пожелать, и ты будешь обладать, чем хочешь? – с вызовом и нажимом бросил Майкл, как будто то, увидит ли он семью или нет, зависело непосредственно от Бруно.

– Да, но...

– Сейчас проверим.

Майкл сосредоточился на своем желании и сильно зажмурился, повторив свое желание несколько раз, он открыл глаза и увидел, что стоит в ярко-желтой футболке с огромным хот-догом на груди; это была его любимая футболка для барбекю. Желание сбылось.

– Отлично! – воодушевленный, Майкл глубоко вдохнул и сказал: – Я хочу увидеть свою семью. Я хочу их увидеть.

Он открыл глаза, но перед ним с тревожным лицом по-прежнему стоял его младший брат.

– Все не так просто, Майкл. Везде есть свои рамки и правила, у всего есть предел. Думаешь, если бы в раю исполнялось любое желание, хоть кто-нибудь пожелал остаться здесь, быть в разлуке с теми, кого любишь? – спросил он, внимательно глядя в глаза брата, такие же, как у него. – Не думаю. Все желали бы вернуться обратно.

– Просто..., – Майклу было тяжело подбирать слова. – Пойми, просто...

– Я знаю. Мы что-нибудь придумаем, – он улыбнулся Майклу от всей души, и на долю секунды он действительно поверил в то, что они действительно что-нибудь придумают.

Хотя, откровенно говоря, вероятность этого была мала, но, несмотря на это, у обоих зародилось яркое ощущение того, что им не так уж и много времени осталось провести в обществе друг друга, и никто из них не мог понять, хорошо это или плохо.

Бруно, только что обретший старшего брата, был счастлив и не хотел снова его терять, но он также понимал, что сможет достичь абсолютного счастья только в том случае, когда и его брат будет счастлив. И если благополучие Майкла будет возможно только в том случае, если их дороги снова разойдутся, то Бруно готов был пойти на это. Он готов был отпустить брата, чтобы тот снова обрел искру жизни – свое счастье... Хотя кто знает, как там сложится дальше. Не стоит ничего загадывать и планировать, даже в раю, но предчувствия никогда не обманывали Бруно. У них осталось не так много времени.

\*\*\*

....Спустя...

Сколько прошло времени, Майкл не знал, да это, собственно, и неважно. Главное, что теперь у него появился план, который был изложен брату несколько мгновений назад.

– Думаешь? – Бруно был настроен скептически, – даже не знаю. Может еще и не сработает. Хотя в теории идея отличная, не спорю. Но мне не нравится. Если бы она касалась совершенно незнакомого мне человека, тогда – да, а так...

– Понимаю, я бы думал так же, но другой идеи все равно нет.

Бруно поднялся с газона вслед за Майклом. Старший брат улыбнулся ему и широко раскинул руки. Они крепко и по—семейному трогательно обнялись.

– Если ничего не получится, – начал Майкл, но потом осекся, – нет, не так: если у меня получится, обещаешь позаботиться о них, хорошо? – Бруно молча кивнул, сглатывая слезы, подступавшие к горлу.

– Надеюсь, мы еще встретимся.

Бруно сам не знал, зачем он построил свою мысль именно так. Ведь было очевидно, если замысел Майкла удастся, то им вряд ли суждено будет пересечься, а если нет, то брат будет несчастен здесь еще очень долго. Из двух зол стоит выбрать меньшее. В данных обстоятельствах разлука братьев, скорее всего, меньшее.

Майкл еще раз похлопал брата по спине и скрылся за дверью, в которую не так давно вошел, и встретил девушку с гранатами. Мужчина не оглядывался, он даже через дверь чувствовал, что брат смотрит ему вслед. Это так тяжело – не обернуться. Мужчина знал, что если обернется, то не сможет уйти, а он должен был.

Майкл неторопливо шел. Размеренный темп его ходьбы был прямо пропорционален быстроте мысли. Голову просто сносило. Он думал вязко. Мужчина не был уверен, что его план сможет воплотиться в жизнь, но он не мог не попытаться. Это его единственный шанс увидеть их, а семья всегда стоит любой цены, которую он только можно заплатить.

За этими мыслями Майкл не заметил, как прошел внушительную часть сада. Он сел под дерево и не успел еще ничего сказать, как услышал один из немногих знакомых ему тут голосов:

– Здравствуй, Михаэль, – Рафаэль выглядел слегка опечаленным и задумчивым. Он не дождался ответного приветствия и продолжил: – Ты хотел о чем-то поговорить. Я слушаю.

– Я хочу продать свою душу. Мне нужно вернуться к своей семье. Это не каприз и не блажь, – его голос звучал взволнованно, – мне это действительно нужно, у меня есть на то причины.

– Не получится. По сути, ты сам есть душа. Весь. Целиком. Ты не можешь продать сам себя. Все это не в моей компетенции. Рай не покупает души и не продает их. Ты нетерпелив, друг мой, твоя семья присоединится к тебе. Потерпи, и вы снова будете вместе. Помни, что любое необдуманное решение может разлучить вас навсегда.

– Мы уже разлучены.

– Это не так. Вы просто в разных плоскостях, но это не значит, что ваши плоскости больше никогда не пересекутся, понимаешь?

– Да.

– Но, тем не менее, все равно хочешь сделать по-своему, я прав?

– Да.

– Михаэль, подумай, если ты пойдешь по задуманному пути, то это будет навсегда. Ты уже не сможешь ничего переиграть или изменить. Второго шанса не будет, ты осознаешь это? Шанс всегда один, главное воспользоваться им в нужное время. Я не могу тебя переубедить или отговорить, твои решения – твоя свобода и воля, но я призываю еще раз все взвесить и обдумать прежде, чем что-то менять.

– Я все решил.

– Как я уже говорил, это не в моей компетенции – помочь тебе, но я знаю того, кто может.

– Кто, и как его найти?

– В первую нашу встречу я сказал тебе, что раньше сидел на твоём правом плече, помнишь? – Майкл кивнул, и ангел продолжил мысль: – В природе все должно быть уравновешенно, поэтому...

– Если кто-то был справа, то кто-то должен был быть и слева. Я правильно тебя понял?

– Именно. Только благодаря балансу черного и белого достигается высшее благо.

– Значит, я должен найти свою темную половину, если можно так выразиться?

– Именно.

– И где искать?

– Ты уверен в своем решении? Назад пути не будет.

– Да.

– В таком случае он сам тебя найдет.

Рафаэль шелкнул пальцами, и Майкл почувствовал, как будто попал в огромную ветреную воронку, которая закручивала и затягивала вниз, в темноту. Вдруг его ноги уперлись в твердую почву. Майкл судорожно хлопал глазами, но не видел ничего, кроме всепоглощающей черноты.

Вокруг было тихо и темно. Пугающе тихо и темно. Майкл непроизвольно задержал дыхание, как будто боялся кого-то спугнуть или выдать свое присутствие. Вдруг он услышал громкий шелчок пальцами, которые на фоне абсолютной тишины казались еще более звонким. Мужчина обернулся на звук и увидел в нескольких метрах от себя взявшийся неизвестно откуда широкий луч света. Майкл увидел массивный круглый стол с причудливо-резными ножками и два огромных тяжелых стула из красного дерева. Мужчина, не колеблясь, сел за стол и стал ждать, но чего именно он ждал, он и сам не знал. Интуиция подсказывала, что он все делает правильно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.